

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
БЕСПЛАТНЫЙ
ЭКЗЕМПЛАР

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

В ПОРТРЕТАХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ

ВЫПУСК 1

АЛЕКСАНДР I
СПЕРАНСКИЙ М. М.
НИКОЛАЙ I
АЛЕКСАНДР II
БАКУНИН М.
ЛАВРОВ П.
ТКАЧЕВ П.
МИХАЙЛОВСКИЙ Н. К.
ЗАСУЛИЧ В. И.
КРАПОТКИН П. А.

95-3

6671-1a

РОССИЙСКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА
В ПОРТРЕТАХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ**

Выпуск 1

В. И. ЗАСУЛИЧ: ВЕРНОСТЬ ПРАВСТВЕННОМУ ДОЛГУ

Личность человека, родившегося при Николае I и умершего на втором году Советской власти, уже интересна. Но одно дело пережить разные эпохи в истории России, а другое — быть их активным участником, отразив в своей судьбе и идущие на смену друг другу особенности общественной жизни, культурного контекста и стиля мышления человека, действующего в этих условиях, со своими иллюзиями, заблуждениями, надеждами, стереотипами. Такова судьба Веры Ивановны Засулич. Она меняла ориентиры, которыми руководствовалась в своей деятельности, совершала смелые, неожиданные для окружающих шаги, пересматривала свои взгляды, но оставалась верна изначальным моральным принципам, искренне и бескорыстно служила тем идеям, которые казались ей правильными в конкретных условиях.

Как и многие молодые люди, Вера Засулич “ходила в народ”; ее выстрел в петербургского градоначальника открыл эпоху народнического индивидуального террора. Став знаменитостью, женщиной-легендой, она выступила против террористических методов борьбы, порвала с народническим социализмом, перейдя к марксизму. Являясь одним из организаторов группы “Освобождение труда”, неустанно вела полемику с “экономистами”, “ревизионистами”, “легальными марксистами”. Она стояла у истоков РСДРП и твердо заняла меньшевистскую позицию, примкнула к “ликвидаторам”, высказываясь за легальную работу, сотрудничество с либералами, а во время первой мировой войны — к “социал-шовинистам”, придерживалась антибольшевистских взглядов, протестовала против Октябрьского переворота...

В. И. Засулич никогда не претендовала на роль “вождя”, “идеолога”, по характеру стеснительная, она всегда старалась оставаться в тени. Но никогда не отмалчивалась, конформистски взирая на авторитеты. Ее судьба непростая, противоречивая, как и ее значение для истории российского революционно-освободительного движения.

Вера Ивановна Засулич родилась 27 июля 1849 г. в деревне Михайловке Гжатского уезда Смоленской губернии. Семья была небогатой. Мать, Феокиста Михайловна Александрова унаследовала от своего отца Михайловку — небольшое поместье, с 8-ю дворами и 40 “душами”, которое сразу было заложено в опекунский совет, чтобы на полученные деньги построить новый дом. Отец, отставной капитан Иван Петрович Засулич, был человеком энергичным, но имел репутацию пьяницы; когда Вере было три года, он простудился на охоте и умер, оставив жену с пятью детьми практически без средств.

“Мать наша, — вспоминала сестра Веры Ивановны, А. И. Успенская, — была женщина добрая, слабая, бесхарактерная, справляться с хозяйством ей было трудно, доход с имения получался небольшой, еле

хватавший на прожиток, и ей, вероятно, сильно приходилось задумываться над тем, как вырастить нас, дать нам образования"¹. Веру мать отдала на воспитание к своим двоюродным сестрам Микулиным, у которых в десяти верстах было большое поместье Бяколово. От проведенных здесь лет у Засулич остались весьма мрачные воспоминания — постоянное ощущение себя “чужой” в семье, среди “своих” детей. Пожилая, недалекая по уму гувернантка, занимавшая по сути положение приживалки, властно заставляла Веру читать, не вдумываясь, молитвы, учить языки, прибегая в случае “провинностей” к розгам. Ей внушалось, что ее будущее — карьера гувернантки. Она была готова на все, чтобы избавиться от этого, “могла мечтать о “деле”, о “подвигах”, о “великой борьбе”... “в стане погибающих за великое дело любви”. “Не сочувствие к страданиям народа, — вспоминала В. И. Засулич, — толкало меня в “стан погибающих”. Никаких ужасов крепостного права я не видала, а к бедным я сперва поневоле, с горькой обидой, потом чуть не с гордостью сама себя причисляла”².

Тем не менее в 17 лет Вера Засулич отправляется в Москву, поступает в пансион, который содержали две немки по фамилии Руль. Это было закрытое учебное заведение, готовящее гувернанток, с суровой дисциплиной, запретом громко говорить и смеяться, с практикой “драния” за волосы, уши. Основное внимание уделялось изучению немецкого и французского языков, занятиям музыкой. На выпускном вечере в пансионе всегда смущающаяся на публике Засулич прочла стихотворение своего любимого поэта Н. А. Некрасова “Рыцарь на час”, известное тогда еще только в рукописных списках, чем повергла немом в немалое удивление. В марте 1867 г. она выдержала экзамен на право работать домашней учительницей, но желания заниматься этой деятельностью у нее не было. По объявлению она отправилась в Серпухов и поступила на должность письмоводителя у мирового судьи.

Летом 1868 г. она переехала в Петербург, поселившись с матерью в небольшой квартирке. Как вспоминал Л. Г. Дейч, в это время Вера Засулич разделяла распространенное среди молодежи “стремление жить на собственный счет, чтобы не эксплуатировать рабочий класс”³, и поступила в артельную переплетно-брошюровочную мастерскую. Кроме того, она посещала школу, в которой обучали звуковому способу преподавания грамоты. Она познакомилась и с некоторыми участниками революционного кружка “ишутинцев”, хотя не принимала личного участия в его деятельности.

Отправляясь однажды на собрание учителей, обсуждавших в основном профессиональные вопросы, педагогическую литературу, Вера Засулич не могла знать, к какому повороту в ее судьбе это приведет. На этой небольшой сходке она встретилась с учителем Сергиевского училища С. Г. Нечаевым. Засулич удивила собравшихся знанием статей Добролюбова, назвав его лучшей работой “Когда же придет настоящий день?”. “А когда же он придет?” — спросил один из участников. Она сказала, что Добролюбов думает, что при поколении, которое “вырастает в атмосфере надежд и ожиданий”. — При нас, значит, — заметил господин на кровати⁴. Это был Нечаев.

В январе 1869 г., уезжая за границу, Нечаев попросил Засулич дать ему свой адрес, на который он присылал бы письма и литературу для передачи оставшимся в России товарищам. На Засулич он произвел впечатление “человека дела”. “Я видела, — вспоминала она, — что он говорит очень серьезно, что это не болтовня о революции: он будет делать и может делать”. И Засулич, не испытывая особого оптимизма по поводу планов Нечаева, и в то же время удрученная, что совсем “не знает народ”, согласилась: “...Я все равно ничего не делаю и буду рада помогать чем только смогу”⁵. (Нечаев даже предлагал В. Засулич отправиться вместе с ним за границу в качестве его помощницы, уверяя, что ее полюбил, однако она отказалась).

Это разрешение пользоваться ее адресом для нелегальной корреспонденции сыграло для Засулич печальную роль. В апреле 1869 г., когда она вместе с матерью была на даче в Москве, ее арестовали и вернули в Петербург. До мая 1870 г. она содержалась в Литовском замке, а затем, до марта 1871 г. — в Петропаловской крепости. К “делу нечаевцев” (лето 1871 г.) она не привлекалась, однако была без всяких объяснений выслана под надзор полиции сначала в г. Крестцы Новгородской губернии, затем — в Солигалич Костромской губернии, и наконец, в Харьков. В Харькове она закончила родовспомогательные курсы, но соответствующей работы найти не могла. В конце 1875 г. за ней было снято наблюдение.

Теперь Вера Засулич была уже убежденной революционеркой. Она становится членом киевского кружка “южные бунтари”. Это была немногочисленная (человек в 20) организация, в которую однако входили в будущем известные революционеры: Я. Стефанович, М. Фроленко, С. Чубаров, И. Бохановский, М. Коленкина, А. Макаревич, чуть позже — Л. Дейч и др. Исходя из бакунинских представлений о перманентной готовности крестьянства на восстание, “южные бунтари” планировали начать его в Чигиринском уезде Киевской губернии, рассчитывая, что революционный пожар затем переберется и на другие территории. При этом предполагалось огласить подложный “манифест” царя с призывом подниматься против дворян, чиновников и других угнетателей. В качестве мобильной ударной силы замыслилось создание “конного отряда” из числа революционеров, в который потребовала допустить себя и Засулич. Задуманное предприятие однако провалилось, не начавшись: поблизости оказался очень опасный шпион Горинович, и “бунтари” вынуждены были ретироваться в Харьков.

Это время — чрезвычайно важное для формирования “народнического” мировоззрения Засулич. Она постоянно занималась самообразованием, вызывая со стороны своих товарищей чувство уважения, становясь среди членов кружка своего рода авторитетом-теоретиком. “И, несмотря на присущие Вере Ивановне скромность, застенчивость и нелюбовь выдвигаться вперед, — вспоминал Л. Дейч, — почти все мы, члены этого кружка, с течением времени признали особенно выдающиеся умственные и моральные ее качества и высоко оценили их”⁶. Сама же Засулич позже, в 1883 г., в дневниковых записях, анализируя свое душевное состояние 70-х гг., отмечала инстинктивные, подсознательные, скорее моральные, чем идеологические мотивы

своей деятельности, ощущения идейного тупика, в который упирались многие актуальные вопросы. “Хотя я и считала себя социалисткой лет с 17-ти, но в сущности стала ею очень недавно. Я была революционеркой — одно время народницей и всегда большим скептиком. Разговоры “о будущем строе” находила смешными, а в большом количестве противными... Поэзия революции: быть в “стане погибающих”, самопожертвование, личное равнодушие к материальным благам и отвращение к несправедливой погоне за ними среди нетрудящихся классов, вот все это увлекало в революцию, но никак не убеждение, что из нашей деятельности может быть “будущий строй” и вообще счастье”⁷.

Для революционеров-народников, представленных в своем большинстве разночинской интеллигенцией, был характерен именно такой стиль мышления, менталитет, персонифицирующийся в образе Веры Засулич. А практический вывод, способный консервировать религиозную веру в социализм, в народ, — психологическую потребность революционеров-семидесятников, был следующим: “Чтобы революционная интеллигенция погибала в протестах против несправедливости, казалось мне в ту пору самым лучшим для нее исходом и обязательным”⁸.

Летом 1877 г., находясь в Пензинской губернии, отдыхая на даче вместе с детьми своей сестры, из газеты “Голос” она узнала о происшествии в Доме предварительного заключения в Петербурге. Все последующие ее действия были мотивированы этим известием. В сентябре, приехав в столицу, она узнала подробности.

Дело состояло в следующем. 13 июля 1877 г. в Доме предварительного заключения, в котором находились лица, обвинявшиеся или уже получившие наказание по делу “О революционной пропаганде в России” (в том числе и демонстранты у Казанского собора 6 декабря 1876 г.) приехал петербургский градоначальник, генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов. Во дворе он столкнулся с прогуливавшимся вместе с другими арестантами А. С. Емельяновым (Боголюбовым), уже осужденным, и выразил неудовольствие излишней “свободой” для заключенных. Раздраженный каким-то “непочтительным” ответом Боголюбова на свой вопрос, он пригрозил карцером. Когда через некоторое время Трепов вновь встретил арестанта, не снявшего вторично перед ним головной убор, закричал: “В карцер! В карцер! Шапку долой!”, — и сбил ее с головы. Боголюбов был в полной растерянности, но наблюдавшие из окон заключенные подняли крик, протестовали. Тогда градоначальник приказал высечь Боголюбова, “прописав” 25 ударов розгами. Через два часа на глазах у всех были навязаны пуки розг и осуществлена экзекуция. После этого Боголюбов был спешно переведен в Литовский замок; многие заключенные за протесты были избиты и попали в карцер.

Никаких служебных последствий для Трепова это не имело. Даже министр юстиции К. И. Пален, как вспоминал А. Ф. Кони (тогда вице-директор департамента Министерства юстиции), серьезно рассматривал поступавшие к нему “проекты” о восстановлении телесных наказаний за политическую деятельность, которые якобы могли “отрезвить молодежь”⁹. В тот же день, на вопрос Кони, знает ли он о

случившемся, Пален заявил: “Знаю и нахожу, что он поступил очень хорошо; он был у меня, советовался, и я ему разрешил высечь Боголюбова... надо этих мошенников так!” Не хотел Пален брать в расчет и предупреждения Кони, что революционному движению противозаконными мерами не положить конец, что это “будет иметь ужасные последствия; этот день не забудется арестантами дома предварительного заключения... это не только ничем не оправдываемое насилие, это — политическая ошибка...”¹⁰.

Сразу же в различных общественных кругах начали высказываться протесты против подобных надругательств над человеческим достоинством, совершенно несогласующихся с курсом на модернизацию, созданием правового порядка в России. Со стороны революционеров рассматривались различные варианты мести. Н. А. Морозов, который наблюдал из тюремного окна расправу над Боголюбовым, так позднее описывал свое настроение: “За это надо отомстить, решил я... Если никто другой не отомстит до тех пор, то отомщу я, когда выпустят, и отомщу не как собака, кусающая палку, которой ее бьют. Я отомщу не Трепову, а назначающим таких людей”¹¹. Как свидетельствовал О. В. Аптекман, члены общества “Земля и воля” разработали план покушения на Трепова; напротив полицейского управления была снята квартира, из которой постоянно наблюдали за его выездами¹². Но их опередила Вера Засулич.

Стрелять в Трепова хотела не только Вера Засулич, но и ее подруга, Мария Коленкина, с которой они снимали вместе комнату на Английском проспекте (ныне пр. Маклина). Бросили жребий, и он выпал на Веру Ивановну.

Она не собиралась выслеживать Трепова, кидать бомбу в его экипаж. Через знакомого купила в оружейном магазине за 21 рубль пятизарядный револьвер системы “Бульдог”. Узнала, что градоначальник принимает прошения от посетителей в 10 часов утра. Как вспоминала Засулич, единственный раз в жизни, когда она думала о своей одежде, скрупулезно подбирая ее, было при подготовке покушения на Трепова: купила новое платье, шляпу, серую тальму. Но, чтобы в день покушения, утром 24 января, хозяйка не обратила внимание на новые наряды и не задержала своими разговорами, из дома она уезжала в старой шляпе, пальто, с тем, чтобы переоблечься на вокзале¹³.

Утром 24 января 1878 г. она пришла в приемную Трепова. Засулич протянула Трепову прошение — “о поведении”, то есть просьбу разрешить работу домашней учительницей. А затем, с расстояния в полшага последовал неожиданный выстрел в левый бок градоначальника. Револьвер бросила, опасаясь повторного случайного выстрела. При аресте не сопротивлялась, однако обожала себя полицейскому офицеру Засулич не позволила, но предложила связать. Он отвел ее в другую комнату, приставил караул из двух солдат, предупредив их: “Вы ее, братцы, остерегайтесь. Не ровен час, и ножом может пырнуть!”. Солдаты продемонстрировали понимание, брякнули прикладами о пол, а потом начали шепотом переговариваться: “Скажет тоже их благородие... Напужался. Связана девка, два солдата держат, а он —

“пырнет“. Чудно“. — “Где ты стрелять-то выучилась, барышня?“ — “Не велика наука...“ — “Училась, да недоучилась. Плохо попала“. — “Не скажи, сказывают, очень даже хорошо. В самый раз. Будет ли жив?...“¹⁴.

Несмотря на все старания знаменитого Н. В. Склифософского, пулю извлечь не удалось, и длительное время сохранялась опасность для жизни Трепова. Его навесил в тот же день Александр II, оставшийся, впрочем, недовольным “предусмотрительными“ словами раненого: “Эта пуля, быть может, назначалась вам, Ваше Величество, и я счастлив, что принял ее за вас“. Общественное же мнение одобрительно отнеслось к покушению на Трепова. За годы, пока он был градоначальником, в Петербурге появился и внешний порядок, чистота, повышена дисциплина полицейских, а уголовная полиция под руководством поставленного во главе ее И. Д. Путилина успешно вела борьбу с преступностью. Но активность Трепова создала ему репутацию сурового начальника, самодура, его называли “краснощеким фельдфебелем“, “полицейским ярыгой“, “Федькой“, говоря с удовольствием: “Поделом досталось старому вору“. Появился даже стишок:

Грянул выстрел-отомститель,
Опустился божий бич,
И упал градоправитель,
Как подстреленная дичь.

А в правительственных верхах, как отмечает А. Ф. Кони, вступивший за день до покушения на Трепова в должность председателя Петербургского окружного суда, было распространено мнение, что происшедшее — дело не политическое, а личной мести, что во избежание нездорового общественного резонанса, его следует рассматривать как обыкновенное уголовное преступление судом присяжных. Так, во всяком случае, считали министр юстиции Пален и прокурор Петербургской судебной палаты Лопухин¹⁵.

Слушание в суде “дела Засулич“ было назначено на 31 марта 1878 г. “Трепов между тем поправился, вступил в должность и ездил в коляске по городу, всюду рассказывая, что если он высек Боголюбова, то по совету и поручению Палена, и лицемерно заявляя, что он не только не желает зла Засулич, но даже будет рад, если она будет оправдана“¹⁶, — вспоминал А. Ф. Кони, которому предстояло сыграть в предстоящем процессе заметную роль.

Незадолго до слушания дела Пален, пригласив к себе председателя Петербургского окружного суда, потребовал от него “гарантий“ обвинительного приговора. Беспокорство правительства за исход дела внушала и расстановка сил. Два ярких, талантливых обвинителя — В. И. Жуковский и С. А. Андреевский, считая невозможным, как от них ждали, свести все дело к обвинению Засулич, умолчав о мотиве ее поступка, отказались участвовать в процессе. Согласие дал К. И. Кессель, довольно бесцветный юрист, да и то под сильным нажимом со стороны начальства. В то же время от адвоката, выбранного В. И. Засулич, — П. А. Александрова, следовало ожидать искусной защиты.

Коллеги знали Александрова как деятельного, способного юриста, более пятнадцати лет проработавшего в различных учреждениях Министерства юстиции. В 1876 г. он был вынужден уйти в отставку из-за служебного конфликта, вызванного его выступлением на суде в защиту свободы печати. Поступив в адвокатуру, он стремительно снискал себе известность участием в защите обвиняемых по “делу 193-х“. “Дело Засулич“ представлялось ему чрезвычайно удобным случаем укрепить свою репутацию адвоката, блестящего судебного оратора¹⁷. За несколько дней до суда граф Пален даже предлагал Кони сделать сознательно какую-нибудь процедурную ошибку: “А вот о чем я вас очень прошу, — внезапно оживившись, обратился он снова ко мне: — Знаете что? Дайте мне кассационный повод на случай оправдания, а? — и он хитро подмигнул мне глазом...“¹⁸.

Ход судебного заседания 31 марта подробно изложен в исторической литературе¹⁹. Привлекал он внимание современников, освещался в прессе. Несмотря на то, что главной фигурой, вызывавшей интерес, была Засулич, ее роль на суде оказалась в значительной степени пассивной. Присутствующие в зале суда были поражены несоответствием образа “страшной террористки“ и представшей перед ними хрупкой, молодой женщины, чрезвычайно волнующейся, с трудом отвечающей на вопросы. Она отвергла обвинение в “покушении на убийство“ — главным для нее было выстрелом в градоначальника привлечь общественное внимание: “Я признаю, что стреляла в генерала Трепова, причем могла ли последовать от этого рана или смерть — для меня было безразлично... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать“²⁰.

Обвинитель заявил, что, несмотря ни на какие мотивы, суд должен потребовать ответа от человека, у которого чувства переходят в опасные действия, нарушающие права других лиц, который руководствуется формулой “цель оправдывает средство“.

Довод защиты сводился к тому, что личный опыт Засулич делал судьбу незнакомого осужденного важным психологическим мотивом: “В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, — женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни... Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас, — обратился Александров к присяжным, — решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратит возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно не смотреть на этот поступок, в самих мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва“²¹.

Слова председателя, зачитавшего решение присяжных “Нет, не виновна!“, были заглушены овациями собравшейся в зале публики и через несколько минут подхвачены находившейся на улице толпой, преимущественно состоящей из молодых людей. Юристы с основанием могли считать, что имело место торжество новых, принесенных реформой, принципов судопроизводства, когда на смену “классической школе“, ограничивающейся лишь установлением внешних признаков на-

рушения закона, “формальными” доказательствами, безотносительно к особенностям личности подсудимого, пришла практика определения вины по внутреннему убеждению судей на основе всего комплекса выясненных обстоятельств.

Освобожденную В. Засулич восторженно приветствовала полуторатская толпа радикальной молодежи: ее подхватили на руки, потом посадили в экипаж. Стихийно возникла демонстрация с намерением идти в центр, на Невский. Однако в дело вмешались конные жандармы, которые бесцеремонно и оперативно разогнали демонстрацию. При столкновении один из демонстрантов погиб при не полностью выясненных обстоятельствах. Что касается В. Засулич, то она скрылась у друзей, и запоздалая попытка властей вновь арестовать ее успеха не имела.

Несмотря на то, что вскоре Сенат отменил оправдательный приговор (а Кони был обвинен в “судебной ошибке”, подвергнулся нападкам, перенес паралич, и вся эта история отразилась в будущем на его карьере), в общественном мнении “дело Засулич” воспринималось прежде всего как яркий пример возможного торжества либеральных правовых принципов, и только в среде революционеров-народников — как прецедент “успешного” индивидуального террора...

Из Петербурга, опасаясь повторного ареста, Засулич уехала в Швейцарию. Там она провела несколько месяцев, присматриваясь к русской политической эмиграции, и неопределенность перспективы своей революционной деятельности вызывала у нее “чувство грусти”. “Если бы я была осуждена, — говорила она С. М. Степняку-Кравчинскому, — то по силе вещей не могла бы ничего делать и была бы спокойна, потому что сознание, что я сделала для дела все, что только могла, было бы мне удовлетворением. Но теперь, раз я свободна, нужно снова искать, а найти так трудно”²².

В 1879 г. Засулич возвратилась нелегально в Россию. Неудачное покушение А. Соловьева на Александра II в марте этого года ускорило процесс размежевания среди участников “Земли и воли”. “Террористы” — А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко и др. собрались в Липецке и выработали общую программу: социалистические цели движения возможно осуществить только после того, как будет “сломлен деспотизм”, завоеваны новые политические формы правления; террор же является важнейшим, основным средством осуществления этих изменений. С этими идеями они прибыли на последний съезд “Земли и воли”, состоявшийся 19—21 июня в Воронеже. “Деревенщики” — Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, а также В. И. Засулич, напротив, предлагали сохранить прежнюю программу, считая, что ориентация лишь на террористические методы борьбы приведет к усилению репрессий со стороны государства, к свертыванию работы среди крестьянства, на которое они продолжали делать ставку как на основную силу будущей революции. В конце 1879 г. “Земля и воля” окончательно раскололась: возникли две самостоятельные организации — “Народная Воля” и “Черный передел”, провозгласивший главными направлениями своей деятельности пропаганду и агитацию. “Чернопередельцы” оставались на позициях “крестьянского социализма”, а террор отвергали самым категоричным образом. Как вспоминал

Л. Г. Дейч, также принявший участие в деятельности “Черного передела”, отказ Засулич от террористических методов производил огромное впечатление: “Если сама Вера Засулич восстает против террора, значит этот прием борьбы не хорош, — приходилось тогда нередко слышать”²³.

В ноябре 1879 г. Засулич и другие “чернопередельцы” эмигрировали из России. До середины 80-х гг. Засулич жила в Женеве, именуясь “мадам Бельдинской”. С этого времени устанавливаются дружественные отношения между Засулич и Плехановым, сохранившиеся, несмотря на отдельные периоды разногласий; вплоть до кончины Георгия Валентиновича 30 мая 1918 г. Как писала в своих воспоминаниях супруга Плеханова, Розалия Марковна, “уже в этот ранний период зародилось в Плеханове чувство любви и уважения к ней, которое не покидало его в течение всей его жизни. Он высоко ценил ее отзывы о его работах, всегда считался с ее мнением во всех вопросах революционной тактики и теории, а также придавал большое значение ее оценке людей. По своему широкому философско-литературному образованию и большому самостоятельному уму В. И. составляла редкость среди женщин нашего революционного движения... Некоторые наблюдатели говорят о подчинении Веры Ивановны Плеханову, даже о “рабстве” ее. Это просто смешно! Ни с кем Г. В. так не считался, как с ее мнением, во все этапы своей жизни. Говорить о смущении ее перед Плехановым, о боязни в его присутствии высказывать свое мнение — это значит совершенно не понимать сути их отношений друг к другу и нравственного образа Веры Ивановны”²⁴.

Самостоятельность Засулич в этот период проявилась и в таком примечательном факте. “Чернопередельцы”, как известно, отрицали необходимость политической борьбы, делая ставку на крестьянское движение и переход к социализму через общину. 16 февраля 1881 г., когда Плеханов жил временно в Париже, Засулич обратилась с письмом к К. Марксу, в котором просила высказаться о судьбе крестьянской общины в России. Последовавший 8 марта ответ Маркса привел к пересмотру, в конечном счете, отношения Засулич к такому атрибуту традиционной народнической идеологии, как община. Изучение работ теоретиков “научного социализма”, перевод в 1882 г. Плехановым “Коммунистического Манифеста” предшествовали окончательному разрыву с народничеством.

25 сентября 1883 г. Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов заявили об организации социал-демократической группы “Освобождение труда”. Это было сделано в извещении об издании “Библиотеки современного социализма”. Задачи ставились грандиозные — помимо агитации, распространения идей “научного социализма” — создание партии рабочего класса для борьбы с самодержавием.

В 80-е гг. Засулич главным образом занималась переводами, в том числе таких работ, как: “Нищета философии” К. Маркса, “Развитие социализма от утопии к науке” Ф. Энгельса. К последней работе она написала предисловие, в котором попыталась увязать высказанные Энгельсом идеи с российской действительностью. Во-первых, она обращала внимание на утопизм русской революционной интеллигенции,

склонной к самопожертвованию, которая “знала, что справедливо, что революционно, но не что возможно и целесообразно”, не имела “руководящей нити” в виде теории, и более того, отталкивалась от марксизма, видя в нем “перспективу долгого, мучительного пути, уже пройденного Англией или Францией и еще предстоящего России”. Во-вторых, высказывала предположение, что Россия может избежать повторения пройденных Западной Европой фаз развития. Это произойдет за счет заимствования у Запада крупного индустриального производства, а вместе с ним и соответствующей организации труда. Поскольку на Западе “дни капитализма уже сочтены”, то социалистическая революция в Европе не даст окончательно развиться капитализму и в России, община не успеет еще разложиться, и тогда “остатки общинных учреждений, отсутствие традиции частной поземельной собственности, незабытое еще общинное предание о земле и природных богатствах как о принадлежащих всем людям могли бы чрезвычайно облегчить переход земли во владение всего общества”. Отсюда следует, что в конечном счете вопрос сводится к выработке соответствующего сознания рабочего класса, не расставшегося еще с психологией крестьянина, — и это составляет главную задачу марксистов в России²⁵.

Подобные взгляды были общепризнанными среди русских марксистов, и как показал последующий опыт, страдали известной долей схематизма, не подтвердившейся веры в революционный потенциал западноевропейского пролетариата. И в написанной в 1889—1890 гг. работе “Революционеры из буржуазной среды” Засулич, касаясь проблемы идеологии революционного движения, подчеркивала универсальность для всех стран теории “научного социализма”, писала, что причиной ошибок революционного движения в России была его недостаточная “западность”, ибо “в деле выработки своей программы русское движение было предоставлено своим собственным силам, и народники, надеясь поднять крестьян, невольно находили больший отклик у рабочих²⁶. И грядущая революция мыслилась как “более или менее продолжительный процесс”: “вместе с буржуазией против абсолютизма, с мелкой буржуазией против крупной, но оставаясь до времени оппозиционной, а не господствующей партией...”²⁷. Здесь мы видим уже политическую установку, которая будет определять поведение лидеров меньшевизма. Наконец, она выносит приговор террору и связанному с ним настроению интеллигенции — “сильной буре, но в закрытом пространстве”. В терроре Засулич видит увлечение, приводящее к замене организованной работы, теоретических поисков одними лишь эмоциями, оказывающими на самодержавие лишь минутное влияние: “Террор становится средством склонить правительство к уступкам при содействии общества... террор сводится к какому-то вспомогательному средству при этом давлении и чуть не ставится на одну доску со всеподданнейшими земскими адресами и прошениями”²⁸.

В феврале 1889 г., когда Плеханов и Засулич жили в Кларане, швейцарская полиция добилась от местных кантональных властей решения об их высылке из страны по “ошибочному” обвинению в

подготовке террористических актов. До июля 1894 г. они жили во Франции, в деревушке Морно, а затем тайком переехали в Лондон. Уже в ноябре Плеханову удалось получить разрешение вернуться в Женеву, а Засулич вынуждена была остаться в Лондоне до апреля 1897 г.

Для Веры Засулич Плеханов в эти годы был, по-сути, единственным близким человеком — ее гражданский муж Л. Г. Дейч еще в 1884 г. был арестован на германской границе при отправке нелегальной литературы в Россию и выдан царским властям, а затем осужден на каторгу и ссылку, где и находился до времени своего побега, в 1901 г. В. И. Засулич жила как аскет — плохо одевалась, не заботилась о питании, элементарном комфорте. Постоянно курила, в огромных количествах пила черный кофе, в комнате на рабочем столе, на спиртовке, жарила бифштекс, обрезая ножницами “приготовленное” мясо... Подобной “простотой”, как писал Л. Г. Дейч, “она вызывала изумление, а то и возмущение или даже ужас со стороны квартирных хозяек, соседей и т. п. люда”²⁹. Она постоянно болела бронхитами, лихорадкой, испытывала нервные расстройства. Плеханов, когда они жили в Морно, даже организовал доставку на дом Засулич завтраков, обедов, ужинов, несмотря на ее “сопротивление”. А в 1895 г., когда она жила в Лондоне, Плеханов в своих письмах к Энгельсу, испытывающему расположение к “героической гражданке”, просил уговорить ее обратиться к врачам, или, в крайнем случае, устроить такую встречу дома у Энгельса: “Есть только один выход: это напасть на Веру, когда она придет к Вам. Увидя, что Вы на моей стороне, она сложит оружие без сопротивления”³⁰.

В 90-е гг. Засулич занималась и литературно-критической работой. Теперь объектом ее критики становится либеральное народничество, от Н. К. Михайловского до известного в то время писателя П. Д. Боборыкина. Этой критике либерального народничества с позиций марксизма посвящены такие работы Засулич, как: “Наши современные литературные противоречия”, “Крепостная подкладка “прогрессивных” идей”, “Плохая выдумка (По поводу романа г. Боборыкина “По-другому”)” и др. В легальных петербургских издательствах вышли ее книги: “Вольтер, его жизнь и литературная деятельность” (в серии “Жизнь замечательных людей”) и “Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей” (четвертая глава была изъята цензурой как “памфлет против народников, в защиту диалектического материализма или марксизма”³¹).

В конце XIX — начале XX вв. в среде российской социал-демократии происходили активные дискуссии о методах и целях борьбы, стимулированные в значительной степени работами Э. Бернштейна. Его идеи о возможности мирной, реформистской политической модернизации современного общества в сторону социализма, исключавшей революционные столкновения, о том, что происходит процесс создания “среднего класса”, а не фатальная пауперизация, создающая почву для социального недовольства, что “всеобщий кризис” капитализма в настоящее время невозможен, а следовательно, социал-демократия должна выдвигать лозунги “эмансипации производства посредством

экономической организации“ и “движение все, конечная цель — ничто” — эти идеи выразились в виде “экономизма” и “легального марксизма” в России.

Борьба группы “Освобождение труда” с “экономистами” началась в 1896 г. в рамках “Союза русских социал-демократов за границей”. “Молодые” — Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, Б. Н. Кричевский и др. начали издавать свой журнал “Рабочее дело” и газету “Рабочая мысль”. Плеханов выступал за полный разрыв с “ревизионистами”, Аксельрод и Засулич считали возможным компромисс. Как писала Засулич, “бороться с этим течением посредством редакторского карандаша не имеет смысла. Пусть выболтают все, что у них накопилось, так им скоро с самим надоест. Это нечто вроде народничества, только вместо крестьян рабочие, а вместо бунтов — стачки”³². “Экономисты”, критикуя “стариков” за незнание реальной ситуации в России, выступали за легальную экономическую работу среди пролетариата. Это раздражало Засулич, и как она писала Плеханову в 1897 г., совсем расстроило: “Рабочим они решили говорить исключительно о “копейке на рубль”, интеллигенции позволяют говорить о свободе. По-моему, это развращает рабочих. С интеллигенции это экономическое идиотство со временем соскочит, но что рабочий зазубрит, то останется надолго”. А в письме от 19 февраля 1898 г. назвала это “отвратительнейшей эпидемией”, “психологией, фарширующей русские головы”³³. По-сути, члены группы “Освобождение труда” были отстранены от редактирования изданий “Союза”. Плеханов в сентябре 1899 г. поставил ультиматум; разрыв удалось предотвратить, заключив, благодаря посредничеству Засулич, соглашение о том, что “Союз” будет ежемесячно предоставлять в своих изданиях два печатных листа группе “Освобождение труда”.

В декабре того же года, желая проверить утверждения о том, что в России все организации стоят на позициях “экономизма”, Вера Ивановна с паспортом болгарки Велики Дмитриевны отправляется на Родину. В Петербурге произошла ее встреча с В. И. Лениным, который ехал из ссылки в Псков. С Лениным, а также Ю. О. Мартовым, А. Н. Потресовым она обсуждала возможности издания в Швейцарии “Искры” и “Зари”. Опасаясь ареста, в апреле 1900 г., через Стокгольм, она вернулась в Швейцарию. “Он вас прямо обольстил”, — подвел итог рассказам Засулич о Ленине Плеханов.

Засулич работала в “Искре” и “Заре”: редакторами были Ленин, Мартов и Потресов, а члены группы “Освобождение труда” — сотрудниками с правом голоса по редакционным вопросам. В это время критике “легального марксизма” в лице П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, сводивших, по мнению Засулич, социализм на “лавочный уровень”³⁴, она посвятила брошюру “Элементы идеализма в социализме”.

Наметившаяся в 1901 г. тенденция к возрождению террора вызвала ее резкие протесты. “В “Искре” ее статья “По поводу современных событий”, направленная против эсеров, была подписана именем человека, считавшегося основоположником политического террора. П. Б. Аксельрод писал Ленину: “Тот, кому пришла идея, чтобы В. Ив. подписала свою статью, заслуживает медаль. Без подписи превосходная

характеристика психологического действия террора на общество и вся статья не произвела бы того эффекта, который они по существу должны произвести”³⁵. Покушение 14 февраля 1901 г. студентом, эсером П. В. Карповичем на министра народного просвещения Н. П. Боголепова, приведшее к его кончине, явилось поводом для написания Засулич статьи “Выстрел Карповича”. По ее мнению, между террором 70-х гг. и нынешним существуют различия: тогда это было “оружие отчаяния”, террор возникал “на почве безнадежности разбудить крестьян”. В современных же условиях, когда есть все предпосылки для массового рабочего движения, террор сужает базу революционной борьбы до незначительного слоя “героев”, стимулируя в обществе психологию наблюдения за происходящим со стороны, “пассивное волнение”. Террор оказывается также выгодным царскому правительству, так как является удобным поводом для сохранения неизменными различных “временных правил” — “чрезвычайных рогаток” для печати, свободы собраний, союзов, преподавания, — то есть для всего, что препятствует “политическим манифестациям, громким заявлениям объединившейся общественной воли”. Отсюда следует категоричный вывод: “террор, если бы на нем начали сосредотачиваться общественные надежды, не только не усилил бы освободительное движение, а, наоборот, ослабил бы его”³⁶.

Как известно, в результате II съезда РСДРП (1903 г.) произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Засулич вместе с Аксельродом и Мартовым оказалась в лагере последних. Плеханов — первоначально вместе с Лениным. В редакцию “Искры” были избраны Ленин, Плеханов и Мартов. Плеханов надеялся преодолеть раскол, и после трех месяцев переговоров в редакцию были кооптированы Засулич, Потресов и Аксельрод. Результат получился обратный — Ленин вышел из редакции, и “Искра” стала по-сути органом меньшевистской фракции. Отношения Плеханова с “ортодоксальными” меньшевиками — Засулич, Потресовым, Мартовым оставались неровными. Плеханов, не согласный с публикацией статей Л. Д. Троцкого, которые “срамят” “Искру”, являясь “порчей литературной физиономии”, обвинял своих соредкторов в том, что они “делают нравственно невозможным” его пребывание в редакции. 31 марта 1904 г., отвечая на письмо Плеханова, Аксельрод недоуменно писал: “Таким обвинением ты бы нанеси оскорбление самому себе: ведь больше 20-ти лет ты знаешь В. Ив. (Засулич), как своего близкого друга и товарища; какие бы недостатки за ней ни числились тобою, одного ты ей не припишешь: способность жертвовать общими интересами своим корыстным расчетам и мотивам личного тщеславия, оскорбленного самолюбия и т. п.”³⁷.

События первой русской революции, Манифест 17 октября, политическая амнистия вызвали огромное желание Засулич вернуться в Россию из эмиграции, и как бы ни развивались дальнейшие процессы, остаться там навсегда. 1 ноября 1905 г. она писала Аксельроду из Парижа: “Мы здесь с Александром Николаевичем (Потресовым) составили проект ехать немедленно в Россию открыто и вместе, не останавливаясь перед возможными на границе историями из-за беспаспортно-

сти большинства... Я в таком настроении, что... и рада до чертика и страшно, как бы не проиграли выигранное. А какой силой оказался русский класс! Революция XX века — стачка жел. дорог!"³⁸.

"Меньшевистский период" в жизни Веры Засулич в советской научной и художественной исторической литературе традиционно не находил адекватного отражения. Распространенными были утверждения типа того, что с "меньшевизмом", "ликвидаторством", "оборончеством" не вязался "светлый образ революционерки-марксистки", что это "только указывало, что силы революции, заложенные в природе В. И., были исчерпаны в ее предшествующую до раскола в партии жизнь", что "она была оторвана в эти годы от масс... и была лишена возможности, благодаря интеллигентскому ее окружению, произвести анализ отлива и прилива революционных настроений в русском рабочем классе"³⁹.

Вернувшись в Россию, Засулич, никогда не имевшая склонности вести работу "на людях", постоянно болевшая, удалилась, как считали многие, от дел. Летом она жила в Тульской губернии на хуторе Греково. Ф. Г. Смилович, брат революционера П. Г. Смиловича, предоставил в ее распоряжение избу с небольшим огородом и цветником. В зимний период она приезжала в Петербург, останавливаясь у кого-нибудь из знакомых или снимая комнату. В конце ноября 1908 г. Засулич, являвшаяся членом созданного в 1907 г. Петербургского литературного общества, писала А. Н. Потресову о своем приезде в столицу: "Насчет "остановиться" я получила письмо из "дома писателей" с предложением комнаты и ответила согласием..."⁴⁰. Там она жила до начала 1919 г.

Однако неучастие в практической работе не означало полного устранения от событий общественной жизни. Она продолжала следить за происходившим, вела обширную переписку, периодически выступала в печати. Невиданный всплеск социальной активности, вызванный русской революцией, заставил Засулич пересмотреть некоторые свои принципы, подчеркнул необходимость считаться и с реальным политическим, социально-психологическим контекстом деятельности в условиях легальности. Еще в эмиграции, в октябре 1905 г., высказываясь в поддержку большевистского лозунга ликвидации частной собственности, она допускала принесение "в жертву" теоретических принципов традиционного марксизма: "Теоретически — это с буржуазным общественным строем не вяжется, а тактически мы бы сделали великую нелепость, если б против этой революции протестовали. Не наша забота, как там буржуазное общество с этим будет справляться"⁴¹. Тогда же возникла идея "ликвидаторства" — перехода социал-демократии к легальной, профсоюзной, "экономической", "клубной" работе среди пролетариата, перегруппировки политических сил для достижения коалиции со всеми демократическими, в том числе либеральными течениями: "окончательный конец подпольному курятнику со всеми его партиями"⁴².

Прежде историки стремились не обращать внимание на любопытный факт: против "ликвидаторства" выступали не только большевики, но и (в 1907—1913 гг.) Г. В. Плеханов, печатавшийся в большевистских

изданиях (в том числе и в вышедшей с 1912 г. "Правде"). Такая позиция Плеханова чрезвычайно огорчала его старых товарищей. Так, Аксельрод писал 6 мая 1912 г. Засулич: "Какие бы перемены не происходили в общественной жизни и общественном настроении, поведение Вл. Ил. (Ленина), Жоржа (Плеханова) и их дворни остается неизменным. Разница ... только та, что 1-й ведет свою линию последовательно, хулиганит по-прежнему, но знает, чего хочет..., а второй — ничем, кроме чувства и желания мести к известным лицам, не руководствуется в своих действиях. У того — хоть карикатурное подобие "принципиальности", а у этого — полнейшая, сознательная беспринципность, доходящая до явного цинизма"⁴³. Этому предшествовала статья Плеханова 10 апреля в "Правде", где он писал: "Не понимаю, почему отмежевываться от людей, изменяющих партии, значит отмежевываться от В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода ...нет достаточного основания для отождествления их с Потресовым, Ежевым и Маевским". Это вызвало возмущение Засулич, писавшей Аксельроду: "Меня ни на волос не огорчило упоминание Жоржем моего имени в числе других. Зачем он меня выделил? А что в отношении к партии он беспринципен до последней степени — это верно..."⁴⁴. Она заявила в печати, что "число людей", неустанно работавших на пользу социал-демократической партии в самые тяжкие годы реакции и тем самым заслуживших от Плеханова, Ленина и прочих имя "ликвидаторов", а затем "изменников", было гораздо больше", что "созданной на съездах организации, называющейся партией, больше не существует, что "в этих старых формах она уже не может существовать вследствие изменившихся условий и в особенности изменившегося состава существующей в действительности российской социал-демократической рабочей партии. Засулич писала, что не имея возможности участвовать в работе "ликвидаторов", она "имеет полное право разделить с ними те ругательства, которыми осыпает их Г. В. Плеханов"⁴⁵. В другой статье она отмечала невозможность в нынешних условиях "упрятать в подпольную организацию рабочую партию" — это совершенно разные вещи: "У нас есть широкий слой рабочих, который с полным правом занял бы место в любой социалистической партии Запада" и "мы будем думать и говорить о нем, как о партии"⁴⁶. В этой статье Ленин усмотрел "перепев контрреволюционных либеральных мыслишек", высказывавшихся представителями "экономизма" и "легального марксизма", охарактеризовав как "памятник растерянности отпавших от партии, бесхарактерных интеллигентов, увлеченных контрреволюционным потоком уныния, неверия, обывательщины и плетущихся за либералами"⁴⁷.

Нельзя не признать справедливость многих содержащихся в письмах, черновых набросках В. И. Засулич тонких наблюдений политической психологии российской социал-демократии. Она отмечала психологию "натравливания рабочих на "буржуев", неприятие либерализма как такового, установку на борьбу "со всем буржуазным строем", внушение рабочим идеи их "гегемонии". Как писала Засулич в неопубликованной рукописи статьи "О марксизме в России" (1908 г.),

постоянная тактика социал-демократии как “безответственного меньшинства”, критика “половинчатости и нерешительности”, “принятие более крайних лозунгов”, “отгораживания” от либералов — настраивала против них массы, а невозможность союза с левыми “толкала в тактическом отношении вправо”⁴⁸. Как показали в будущем события 1917 г., это являлось одной из причин, делавших невозможным стабильное существование в России буржуазной демократии.

В это время, главным образом для заработка, Засулич занималась художественными переводами Г. Уэлса, О. Бальзака, Вольтера.

Первая мировая война сблизила позиции Плеханова и Засулич. В войне они видели “дело народов, а не правительств”, защиту от германского империализма — главного виновника войны, своими агрессивными намерениями создающего угрозу порабощения не только России, но и демократических государств Запада, европейского пролетариата, от которого ждали в будущем осуществления социалистической революции.

Засулич принимала активное участие в деятельности “оборонческой”, “социал-шовинистской” группы “Самозащита”. Она состояла из меньшевиков-“ликвидаторов”, создавших Рабочую группу при Центральном Военно-промышленном комитете, призванную мобилизовать усилия пролетариата для обороны страны. Они издавали журнал “Наше дело”, (позже, в 1916 г. — “Дело”) и выпустили сборник “Самозащита”, в котором была напечатана и статья Засулич “О войне”. Основная идея состояла в следующем: если среди социалистов и рабочего класса европейских государств (который был всегда более “сознательным”, чем российский) вместо идей интернационализма, “оказавшегося бессильным остановить “нападение”, восторжествовали идеи “организации обороны”, интернационализм в России можно объяснить только “исключительностью нашего национального строя”. Эта “исключительность” заключалась в отсутствии демократического опыта у “отсталых” российских масс, с “чувством розни между государством и страной”. Отсюда и смешение двух разных понятий, о которых некогда говорил еще М. Е. Салтыков-Щедрин, — “участка” и Отечества⁴⁹.

В другой статье она оспаривала идеи об “отмирании” национальных государств, а вместе с ними и “патриотизма” как понятия, этической нормы, заявляя, что война противоречит всем достижениям не только международной социал-демократии, но и тем, что “достигли передовые страны” (в том числе и подрывая экономическое процветание, нарушив свободный обмен). Следовательно, и социалисты, и либералы выражают классовые интересы, которые совпадают между собой. Вспоминала она в этой связи и о своих выступлениях против “предрассудка” — враждебного отношения к “отечественной оппозиции”⁵⁰.

Примечательно и участие Веры Засулич в 1915 г. в кампании против всплеска антисемитизма, о чем нет упоминаний в соответствующей литературе (М. Горьким, Ф. Сологубом, Л. Андреевым рассылались представителям интеллигенции опросные листы, предлагавшие высказаться по различным аспектам проблемы). В частности, В. И. Засулич отмечала, что в России основная причина антисемитизма —

правовое неравенство, и в отличие от цивилизованных европейских государств, где по мере прогресса антисемитизм угасал, в России — усиливался, достигнув апогея в начале XX в., благодаря “работе сверху” царского правительства⁵¹.

События 1917 г. — падение царизма, существование в течение восьми месяцев демократического Временного правительства, наконец, Октябрьский переворот, не могли не привлечь внимания Засулич. Но в это время ее активность, вследствие ухудшения состояния здоровья, была минимальна. Она по-прежнему занимала “социал-шовинистскую” позицию, принимая, большей частью, формальное участие в деятельности созданной Плехановым группы “Единство”. Она участвовала в торжественной церемонии похорон жертв революции 23 марта на Марсовом поле и в порыве набравших на нее чувств, высказала ставшую знаменитой фразу: “Второе издание русской революции много лучше первого”. Известно, что она присутствовала 18 апреля на Первомайском митинге, организованном группой “Единство”. В небольшой газетной заметке она протестовала против проводимой большевиками антиправительственной пропагандистской кампании — это, по ее мнению, было “нравственное насилие над менее знающими, менее опытными рабочими”, которым “предлагается такое простое решение и столь же обязательное, как бежать на помощь, когда кричат: “наших бьют!”⁵².

Октябрьский переворот, нарушения политических свобод вызвали ее негодование. Единственным, посильным для нее участием в антибольшевистской кампании было написание статьи для “Газеты-протеста союза русских писателей (однодневной газеты в защиту свободы печати)”, вышедшей 26 ноября 1917 г. 1 апреля 1918 г. она выступила с одной из немногих публичных речей — в клубе “Рабочее Знамя”, на собрании, посвященном 40-летию ее оправдания судом присяжных.

В морозную стужу, в начале 1919 г., она была выслена районным Советом из комнаты “Дома писателей”. При ее кочевой жизни это было единственное место, где она пробыла длительный срок — 10 лет, — и успела обустроиться, обзавелась даже котом. Как вспоминал Л. Г. Дейч, у нее было суеверие — если покинет комнату, то непременно умрет. После выселения она жила в пустой, непригодной к жизни чердачной комнате, без стекол, в доме во дворе и заболела воспалением легких. 8 мая 1919 г. Вера Ивановна Засулич умерла в Рождественской больнице^{53*}. Похоронили ее на “Литературных мостках” Волкова кладбища, рядом с могилой Г. В. Плеханова.

*Известно полное возмущения письмо В. И. Ленина Г. Е. Зиновьеву: “Сейчас услышал, будто районный Совет выслел Веру Ивановну Засулич и других виднейших революционеров из дома писателей. Ведь это же позор! Неужели это правда?” (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50. — С. 256).

- ⁴⁸Там же. — С. 13.
⁴⁹Там же. — С. 5.
⁵⁰ЦИА СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 79, лл. 5, 13.
⁵¹См.: Шахматов Б. Н. П. Н. Ткачев Этюды к творческому портрету. — М., 1981.
⁵²Цит. по: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. — М., 1961. — С. 367.
⁵³ЦГАОР, ф. 109, 3-е отд., 1869 г., ед. хр. 109, ч. 1, лл. 112—112—об.
⁵⁴ЦГАОР, ф. 109, 3-е отд., 1869, ед. хр. 109, ч. 3, лл. 6—7—об.
⁵⁵Ткачев П. Н. Сочинения в двух томах. — Т. 2. — М., 1976. — С. 10.
⁵⁶Там же. — С. 23.
⁵⁷Там же. — С. 101.
⁵⁸Там же. С. 101—102.
⁵⁹См.: Набат. — Лондон, 1881. — № 3. — С. 1—3.
⁶⁰См.: Материалы для биографии П. Н. Ткачева // Былое. — СПб., 1907. — № 8/20. — С. 157—158.

Н. К. Михайловский: в поисках “формулы прогресса”

- ¹Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 379.
²См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 335.
³Там же. — Т. 24. — С. 333—334.
⁴Цит. по: Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882. — М., 1978. — С. 50.
⁵Гуревич П. К характеристике реакции 60-х годов // О минувшем. — СПб., 1909. — С. 109.
⁶Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Интеллигенция в России. — Сб. ст. — М., 1991. — С. 26.
⁷Там же. — С. 27—28.
⁸Троицкий Н. А. Указ. соч. — С. 95.
⁹См.: Народническая экономическая литература. Избранные произведения. — М., 1958. — С. 167.
¹⁰Цит. по: Чернов В. Памяти Н. К. Михайловского. — М., 1917. — С. 37.
¹¹Там же. — С. 57.
¹²Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С. 57—58.
¹³Там же. — С. 57.
¹⁴Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда. — С. 33.
¹⁵См.: Михайловский Н. К. Соч. — Т. III. — СПб., 1897. — С. 404.
¹⁶Михайловский Н. К. Теория Дарвина и общественная наука // Собр. соч. — Т. I. — СПб., 1906. — С. 182.
¹⁷Михайловский Н. К. Борьба за индивидуальность // Там же. — С. 477—478.
¹⁸Он же. Соч. — Т. II. — СПб., 1896. — С. 358.
¹⁹Там же. — Т. I. — С. 151.
²⁰Мякотин В. А. Из истории русского общества. — СПб., 1906. — С. 396.
²¹Цит. по: Чернов В. Памяти Н. К. Михайловского. — С. 11.
²²Там же. — С. 12—13.
²³Цит. по: Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. — М., 1981. — С. 135.

- ²⁴См.: Там же.
²⁵Былое. — 1906. — № 3. — С. 39.
²⁶Бурцев Вл. В погоне за провокаторами. — М., 1989. — С. 52.
²⁷Народная воля. — 1879. — № 2. — С. 29.
²⁸Там же. — 1879. — № 3.
²⁹Там же. — 1879. — № 1.
³⁰См.: Там же. — 1879. — №№ 1—2.
³¹Русанов Н. С. “Политика” Н. К. Михайловского // Былое. — 1907. — № 7. — С. 124—125.
³²Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. — Прага, 1925. — С. 21.
³³Он же. Философские и социологические этюды. М., 1907. — С. 526.
³⁴Мякотин В. А. Из истории русского общества. — С. 396.

“В. И. Засулич: верность нравственному долгу”

- ¹Успенская А. И. Воспоминания шестидесятницы // Былое. — 1922. — № 18 — С. 20.
²Засулич В. И. Воспоминания. — М., 1931. — С. 15—16.
³Дейч Л. Г. Вера Ивановна Засулич // Засулич В. Революционеры из буржуазной среды. — Пг., 1921. — С. 4.
⁴Засулич В. И. Воспоминания. — С. 59.
⁵Там же. — С. 60.
⁶Дейч Л. Г. Ук. соч. — С. 7.
⁷Цит. по: Курбатова И. Н. Архив В. И. Засулич в Доме Плеханова // Книги. Архивы. Автографы. — М., 1973. — С. 152—153.
⁸Там же. — С. 153.
⁹Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А. Ф. Собрание сочинений. — Т. 2. — М., 1966. — С. 44—45.
¹⁰Там же. — С. 50—51.
¹¹Морозов Н. А. Повести моей жизни. — М., 1962. — Т. 2. — С. 196.
¹²О. В. Аптекман. Общество “Земля и воля” 70-х годов. — Л., 1924. — С. 235.
¹³Засулич В. И. Воспоминания. — С. 66.
¹⁴Там же. — С. 68.
¹⁵Кони А. Ф. Ук. соч. — С. 66.
¹⁶Там же. — С. 70.
¹⁷См.: Судебные речи известных русских юристов. — М., 1958. — С. 19—22.
¹⁸Кони А. Ф. Ук. соч. — С. 88.
¹⁹Помимо воспоминаний А. Ф. Кони см.: Коваленский М. Н. Русские революционеры в судебных процессах мемуарах. — М., 1924. — Кн. 2; Кункль А. А. Выстрел Веры Засулич. — М., 1927; Смолярчук А. Ф. Кони и его окружение. — М., 1990. — С. 43—82 и др.
²⁰Кони А. Ф. Ук. соч. — С. 97—120.
²¹Там же. — С. 156.
²²Степняк-Кравчийский. С. Сочинения. — М., 1958. — Т. 1. — С. 43.
²³Дейч Л. Г. Ук. соч. — С. 10.
²⁴Группа “Освобождение труда” — М., 1928. № 6 — С. 95—96.
²⁵Засулич В. И. Избранные произведения. — М., 1983. — С. 33—40.
²⁶Там же. — С. 139—141.

- ²⁷Там же. — С. 132.
²⁸Там же. — С. 144—145.
²⁹Дейч Л. Г. Ук. соч. — С. 13.
³⁰Цит. по: Хигерович Р. Жизнь для других // Женщины русской революции. — М., 1968. — С. 127—128.
³¹См.: Курбатова И. Н. В. И. Засулич и ее роль в распространении идей марксизма в России // Засулич В. И. Избранные произведения. — М., 1983. — С. 15.
³²Цит. по: Шубина Е. В. Философско-социологические взгляды В. И. Засулич. — Л., 1984. — С. 20.
³³Группа "Освобождение труда". — С. 180, 197.
³⁴Засулич В. И. Сборник статей. — Ч. 2. — СПб., 1967. — С. 357.
³⁵Цит. по: Ковнатор Р. А. В. И. Засулич / к истории русской критики // Засулич В. И. — М., 1960. — С. 14.
³⁶Засулич В. И. Сборник статей. Ч. 2. — С. 391—400.
³⁷Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. — Т. II. — М., 1925. — С. 198—200.
³⁸Цит. по: Социал-демократическое движение в России. — С. 164—165.
³⁹Федорченко Л. С. (Чаров Н.) Вера Ивановна Засулич. Жизнь и деятельность. — М., 1926. — С. 90.
⁴⁰Социал-демократическое движение в России. — С. 191.
⁴¹Там же. — С. 162—163.
⁴²Там же. — С. 163.
⁴³Там же. — С. 221.
⁴⁴Там же. — С. 223.
⁴⁵Засулич В. И. Г. В. Плеханов и "ликвидаторы" // Луч. — 1913. — 14 апреля.
⁴⁶Засулич В. И. По поводу одного вопроса // Живая жизнь. — 1913. — 19 июля.
⁴⁷Ленин В. И. Как В. Засулич убивает ликвидаторство // Полн. собр. соч. — 24. — С. 22—24.
⁴⁸В. И. Засулич о развитии марксизма в России // Общественная мысль: исследования и публикации. — Вып. II. — М., 1990. — С. 255—260.
⁴⁹Засулич В. И. О войне // Самозащита. — Марксистский сборник. — Пг., 1916. — Вып. I — С. 1—3.
⁵⁰Засулич В. И. После войны // Дело. — 1916. — № 3. — С. 3—12.
⁵¹В. И. Засулич об антисемитизме (Ненапечатанное письмо). — Пг., 1920.
⁵²Засулич В. И. Сильная тактика // Единство. — 1917. — 29 апреля.
⁵³См.: Дейч Л. Г. Указ. соч. — С. 13; Курбатова И. Н. Архив В. И. Засулич в Доме Плеханова. — С. 147.

Князь П. А. Кропоткин — ученый, мыслитель, революционер.

- ¹См.: Пирумова Н. М. Гуманизм и революционность Петра Кропоткина // Вопросы философии. — 1991. — № 11. — С. 41.
²Кропоткин П. А. Записки революционера. — М., 1990. — С. 58.
³Там же. — С. 195.
⁴См.: Там же. — С. 197.
⁵Там же. — С. 197, 198.
⁶Там же. — С. 198.
⁷Там же. — С. 198.

- ⁸Там же. — С. 259.
⁹См.: Там же. — С. 413.
¹⁰См.: Кропоткин П. А. Взаимная помощь, как фактор эволюции. — СПб., 1907. — С. 1.
¹¹Там же. — С. 3.
¹²См.: Там же. — С. 6.
¹³Там же. — С. 7.
¹⁴См.: Там же. — С. 273—276.
¹⁵См.: Баладин Р. Мятежный князь Петр Кропоткин, или об анархии в природе и обществе // Человек и природа. — 1991. № 6. — С. 32.
¹⁶Кропоткин П. А. Взаимная помощь, как фактор эволюции. — С. 299.
¹⁷Кропоткин П. А. Этика. — М., 1991. — С. 55.
¹⁸Там же. — С. 43.
¹⁹Там же. — С. 448.
²⁰См.: Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. — П. — М., 1921. — С. 195.
²¹Кропоткин П. А. Этика. — С. 299.
²²Кропоткин П. А. Записки революционера. — С. 261.
²³Там же. — С. 261.
²⁴Цит. по: Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. — М., 1972. — С. 136.
²⁵См.: Кропоткин П. А. Великая Французская революция 1789—1793. — М., 1979. — С. 141—154.
²⁶См.: Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о В. И. Ленине 1917—1924. — Т. III. — М., 1963. — С. 401.
²⁷Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. — М., 1990. — С. 40.
²⁸Там же. — с. 46.
²⁹См.: Там же. — С. 78.
³⁰Там же. — С. 78.
³¹Там же. — С. 92.
³²Цит. по: Тютюкин С. В. Первый русский марксист // Аргументы и факты. — 1989. — № 25.
³³Обращение Московской Лиги Федералистов о задачах Лиги // Вопросы философии. — 1991. — № 11. — С. 52.
³⁴Там же. — С. 52.
³⁵Кропоткин П. А. Обращение к рабочим и передовым кругам общественности Западной Европы // Вопросы философии. — 1991. — № 11. — С. 44.
³⁶Кропоткин П. А. Современное положение России // Вопросы философии. — 1991. — № 11. — С. 49.
³⁷Кропоткин П. А. Указ. соч. // Вопросы философии. — № 11. — с. 47.
³⁸Кропоткин П. А. Указ. соч. // Вопросы философии. — 1991. — № 11. С. 48.
³⁹Там же. — С. 51.
⁴⁰Цит. по: Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о В. И. Ленине 1917—1924 г.г. — Т. III. — С. 400.
⁴¹См.: Пирумова Н. М. Гуманизм и революционность Петра Кропоткина // Вопросы философии. — 1991. — № 11. — С. 42.
⁴²См.: Ударцев С. Ф. Кропоткин. — М., 1989. — С. 19.
⁴³См.: Кропоткин П. А. Что же делать? // Совершенно секретно. — 1990. — № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
<i>Полторак С. Н.</i> Александр I: якобинец всея Руси?	7
<i>Селифонов Д. А.</i> Сперанский М. М.: реформатор от бюрократии	19
<i>Самошкин М. И.</i> Николай I: “апогей самодержавия“	32
<i>Сидоров А. В.</i> Александр II: трагедия реформатора	51
<i>Карпиленко Ю. С. М.</i> Бакунин, П. Лавров, П. Ткачев и судьбы революционного народничества	61
<i>Блохин В. Ф., Ветюшко А. Н.</i> Михайловский Н. К.: в поисках “формулы прогресса“	82
<i>Архинов И. Л., Мельситов В. В.</i> Засулич В. И.: верность нравственному долгу	91
<i>Масликова Т. Н.</i> Князь П. А. Кропоткин — ученый, мыслитель, революционер	108
Примечания.....	123

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В ПОРТРЕТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ Выпуск I

Составители В. Ф. Блохин, Б. В. Леванов
Ответственный за выпуск В. Ф. Блохин
Технический редактор Т. Н. Пятница
Художественный редактор Л. Л. Рудько
Корректор В. В. Цог

ЛР № 010168 от 13.01.92 г. ISBN 5—85343—0297

Подписано в печать 10.03.95 г. Формат 60x90¹/₁₆. Бумага газетная.
Гарнитура тип-таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,5. Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 5000. Заказ № 3424. Цена договорная.

Брянское областное издательство “Грани“.
24100 г. Брянск, ул. Луначарского, 58.

Клинцовская гортипография. 243100 г. Клинцы,
пер. Богунского полка, 4-а.